
ГЕОПОЛИТИКА: РЕИНКАРНАЦИЯ ИЛИ АГОНИЯ?

А.В. Оболонский

*Национальный исследовательский университет —
Высшая школа экономики*

Аннотация: В статье автор рассматривает проблему возвращения на политическую авансцену логики и фразеологии геополитического поведения. Он отмечает, что политизация фактора географического расселения того или иного этноса не просто абсурдна, но и крайне опасна. Идеологема «особого пути», и «особой демократии» России превращается, согласно автору статьи, в способ оправдания незыблемости авторитарных режимов.

Ключевые слова: «особый путь», геополитика, «неоимперские химеры», десакрализация государства, пост-имперский синдром, *Sonderweg*.

Настоящий патриот всегда должен быть готов
защитить свою страну от своего правительства
Эд. Элби

Государство расположилось в России как
окупационная армия
А. Герцен

К теме геополитики я впервые обратился несколько лет назад. Тогда она казалась не то, чтобы совсем уж ретроспекцией, но всё-таки не столь уж пугающе актуальной, по крайней мере для нашей евроатлантической цивилизации. К сожалению, клубок событий последнего года продемонстрировал обратное. Мы ошибались. Геополитика возродилась в слегка подновлённом, но от этого не менее опасном и кровавом обличье. Возрождение этого фантома уже принесло много несчастий и смертей. И больше всего страданий пало на людей и землю страны, самой близкой для России во многих отношениях. Концепт геополитики сегодня требует, по моему мнению, самого пристального внимания, поскольку за стремлением его реинкарнации стоят реальные угрозы общецивилизационного характера. Поэтому я обращаюсь к связанной с этим проблематике вновь.

Монстр геополитики разбужен и выпущен на волю

Расхожие суждения о России как стране парадоксов и «особого пути» обернулись для нас в XXI веке весьма печальной стороной, а в последние годы и особенно месяцы приобрели просто угрожающий, злокачественный смысл. Во времена, когда ведущие страны мира, пусть с трудностями, издержками, даже попятными шагами, но определённо движутся по пути глобализации и выработки нового, адекватного ей типа общественной и политической морали, мы в политике и массовом политическом сознании скатываемся назад, в изжившую себя архаику прошлых столетий. Одно из проявлений этого процесса — шумное возвращение на политическую авансцену геополитического поведения с соответствующими ему логикой и фразеологией.

Сама логика этого рода, как говорится, стара как мир. Но первым идеологом геополитики как концепции принято считать Фридриха Ратцеля, рассматривавшего государство как развивающийся биологический организм, которому по мере роста необходимо всё большее «жизненное пространство» (*Lebensraum*). Сам же термин ввёл швед Юхан Челлен, главная книга которого «Великие державы» вышла в 1916 г., в самый разгар Мировой войны. Эти популярные тогда идеи, основанные на смеси географии, биологии, мальтузианской демографии развивали и другие. Среди них был даже один пастор — Фридрих Науман. Итоги известны.

Если не входить в нюансы, то геополитика (сейчас её предпочитают называть мировой политикой) — это государственная идеология и обслуживающая её научная дисциплина, в основе которой лежит социал-дарвинистский взгляд на мир исключительно как на арену «внутривидовой» борьбы государств, борьбы, в которой меняются задачи, методы, промежуточные цели, но не сама суть: народы — враги, мир — ринг, государства — бойцы на нем, а конфликт — основа основ существования и взаимоотношений. Союзы, блоки и т. п. — лишь тактические уловки, не меняющие глубинной враждебной сути. Взгляд на соседей «через оружейный прицел» как законченная идеологема стал влиятельным во многих европейских странах на рубеже XIX–XX веков, но в предельных формах, как основа государственной политики, воплотился в нацистской Германии и СССР. Этот геополитический фантом стоил человечеству двух мировых и множества «малых» войн, а также неизбежно сопутствовавших им войн с «внутренними врагами», принеся людям неисчислимые беды и страдания. Словом, геополитика — это насквозь пропитанный кровью вид ложного сознания. Он и основанные на нем драмы, разумеется, должны изучаться и анализироваться, но как история болезни человечества, как своего рода политическая криминология. Иное, т. е. взгляд на мир как на шахматную доску, модель анализа шахматной партии, где целые народы — лишь фигуры на доске, а люди в лучшем случае пешки, а то и просто пылинки, есть не что иное как апологетика преступности. Он не просто внеморален, а аморален в своей основе и может привести человечество лишь к новым безднам горя, унижений, гибели.

Новые времена породили и новые квазинаучные формы и слова: геоэкономику, геокультуру, информационную геополитику... Но глубинная конфронтационная суть геополитики не изменилась. В этом она недалеко ушла и от нацистской идеологии, и от классического евразийства первых десятилетий XX века.

Казалось бы, страшные уроки минувшего столетия должны были начисто отворотить людей от подобных представлений, а саму геополитическую логику отправить на свалку истории. Подход к международной политике как к «игре с нулевой суммой», в которой выигрыш одного равен проигрышу другого, идеологически полностью дискредитирован. Но это не уничтожило его практическую живучесть. «Мёртвый хватает живого».

Слишком уж удобна вся эта политическая алхимия для тех, кто благодаря ей вдруг может ощутить себя вершителями судеб мира (или, по крайней мере, судеб миллионов), да ещё и получать с этого разного рода дивиденды. Выгодно это и обслуживающему их персоналу. А

его немалое число — и в более низких коридорах власти, и в среде прикормленных экспертов, и в подконтрольных СМИ. Задача этих «учёных приказчиков» и идеологических «портных» — облечь античеловечные цели в пристойные квазиидеологические одежды, подкрасить их политологическим макияжем, а то — и подсказать какие-нибудь циничные «политтехнологические» приёмы. Дипломатия и её научная прислуга живут в «шахматной» логике времён холодной войны, мировых «горячих» войн, унёсших жизни минимум шестидесяти миллионов человек и искалечивших жизни целых поколений, а, может, и времён Венского конгресса. СМИ же, в буквальном смысле слова вооружившись новейшими технологиями, используют их для дезинформирования, а то — и для «манкуртизации» людей.

Деятельность наших главных телеканалов по «освещению» событий в Украине — ярчайший, почти беспрецедентный образчик целенаправленного дезинформирования и оболванивания населения технологизированными приёмами милитаристской пропаганды ненависти; к несчастью, довольно эффективной. Я согласен с мнением, что режиссёры и исполнители этой кампании тем самым вычеркнули себя из журналистской профессии. Ибо профессия журналиста, как и любая из «высоких» (определение Макса Вебера) профессий, предполагает не только владение практическими профессиональными навыками и умениями. Она включает и моральный, ценностный компонент.

Возрождаются и даже «обосновываются» неоимперские химеры. Вторую жизнь получают в лучшем случае полунаучные, а зачастую и просто мифологические, поэтизированные представления о некой «исторической родине» этносов и якобы вытекающих отсюда их преимущественных правах на их «исконные» земли. Затем происходит квазиюримизация этнического. Старинные границы государств, которые либо давно уже канули в лету, либо полностью трансформировались, или, напротив, отсутствие границ и некоторых государств в прошлом, становятся предметом эмоциональных спекуляций и заклинаний. Потом эти фантомы начинают обрастать плотью. Некие новые «справедливые» границы рисуются на картах, фигурируют в политических декларациях и речах. В итоге они интериоризируются в массовом сознании как некая мечта об утраченном. Это становится потенциальным горючим материалом, ждущим политической «искры». И порой, рано или поздно, но такая искра возникает. Так было в начале 90-х в Югославии, в конце 90-х в Косово, в 2014 году — на территории Украины.

На самом деле политизация фактора географического расселения того или иного этноса — не важно, в прошлом или ныне — не просто абсурдна, но и крайне опасна. А попытки её практического воплощения чаще всего приводят к массовым человеческим трагедиям. Уверен, читатель сам может привести множество примеров. Да и совпадение политических государственных границ с этническими — довольно редкое исключение. «Чисто» моноэтнических государств практически не существует. В чем-то забавный пример — компактное немецкое (и германоязычное) население района, охватывающего южную Бельгию и северный Люксембург. Мне довелось наблюдать митинг таких немцев на главной площади Брюсселя. Насколько мне известно, они проводят их регулярно, но никому и в голову не приходит делать из этого политические выводы.

В современном мире преобладает совместное, смешанное проживание разных этносов на одной территории и даже в одном городе. Всё это, как известно, порождает ряд проблем, иногда довольно серьёзных. Но попытки, а порой и стремление, решить их перекройкой государственных границ тяжелей и опасней самих этих проблем.

В современной России жажда перекройки границ соединилась с ностальгией по утраченной якобы «великой стране» и, к несчастью, нашла благодатную почву. Простая мысль, что внешняя политика должна лишь обслуживать главную — внутреннюю, поскольку именно последняя напрямую связана с интересами граждан страны, а не отражать некие химеры, рождённые в мозгу рассуждающих у крупномасштабных карт и глобусов политиканов и их присных, как-то пока не очень доходит до широких слоёв массового сознания. И это вопреки

тому, что отнюдь не сами политики и не их идеологическая «челядь», а обычные люди расплачиваются своими жизнями и лишениями за политические амбиции и мании величия придворных и внутрикремлевских геополитиков.

Почему геополитика нашла отклик в сознании россиян

Сегодня наш мир вступил в период кардинальных, многофакторных и во многом непредсказуемых перемен, скорость которых всё возрастает. Наступил «конец знакомого мира». В частности, происходит *десакрализация государства* как якобы носителя неких «высших», надындивидуальных, приоритетных по отношению к интересам обычных граждан целей и задач. Государство стремится ограничить, поставить на служебное по отношению к людям место, а праву придать роль главного инструмента цивилизованного разрешения конфликтов. Идут поиски и попытки создания его новой модели. Это тема особая. Нас сейчас она интересует лишь с точки зрения проявляемого столь драматичным образом в сегодняшней России сопротивления этой мировой тенденции.

Пораженность массового сознания россиян посттоталитарным вирусом оказалась куда серьёзней, чем казалось ещё недавно. И, что для многих оказалось совсем уж неожиданным, не сработал «принцип Моисея», 40 лет водившего по пустыне народ Израиля, ожидая, пока вырастет и войдёт в силу новое поколение, не знавшее рабства. Популярны ещё совсем недавно разговоры о «поколенческом» факторе, о том, что смена поколений автоматически поменяет ориентации и идеалы, преобладающие в массовом сознании, потеряли сегодня какую-либо убедительность. Молодые люди, не заставшие советского режима со всеми его атрибутами, оказались очень уязвимы для лишь слегка заново подкрашенных идей «сильной руки» и национализма. При этом в последние полгода болезнь перешла в злокачественную стадию милитаристских восторгов и шовинизма. Разумеется, большую, а многие считают, решающую роль в этом сыграло перманентное и беспрецедентное по интенсивности инфицирование массового сознания главными телевизионными каналами. Но констатация этого неоспоримого факта не даёт ответа на вопрос о причинах отсутствия иммунитета к хотя и шумной, но достаточно примитивной пропаганде.

Один из симптомов болезни — «мистическое одушевление государства, на котором держится государственническая мифология», о его «особой роли» в российской истории, хотя, как известно, эта его особенность состояла в его избыточности и античеловечности, в подавлении человека, в вытравливании у него инстинкта свободы и способности к самоорганизации, в систематическом унижении человеческого достоинства. Как писал В. Ключевский: «Государство пухло, народ хирел». Взамен происходило и происходит целенаправленное нагнетание имперской идеологии с сопутствующими рассуждениями о «русской исключительности», «всемирной миссии» и т. п. При этом расчётливо и цинично эксплуатируются нормальные патриотические чувства людей, шулерски подменяемые идеями «государственного величия», якобы «естественных» внешнеполитических интересов и целей, мифологема «русского мира» как особой цивилизации и т. п. Сегодня на юго-востоке Украины мы можем видеть, как патриотизм становится психологическим прибежищем для людей мало вменяемых, живущих в плену разного рода химер. Не берусь давать их полную классификацию, но «навскидку» среди них присутствуют разные социально-психологические типы: и романтики, и криминальные элементы, и просто любители пострелять и повоевать (иногда таких называют «псы войны»), и даже люди с садистским и некрофильским типами сознания.

К этому прибавляются фантомные боли так называемого «пост-имперского синдрома» (Мы, впрочем, в этом не уникальны, в слабой форме подобное после распада Британской империи пережила Англия, а в форме более тяжёлой, в виде аншлюса со всеми последствиями — Австрия после краха империи Габсбургов.) Но это слабое утешение.

Наше общество глубоко нездорово. Думается, одна из причин — *комплекс социально-государственной неполноценности и боязни перемен*. Он распространён на разных уровнях сознания, в разных социальных группах и возникает на пересечении двух компонентов: с одной стороны, это сознание ущербности, порочности и бесперспективности испокон веку господствовавшей системы общественных отношений, с другой — ощущение своей органической сращенности с ней, из-за чего её изменение воспринимается как угроза устоявшемуся порядку бытия, заведённому укладу жизни, пусть далёкому от совершенства, но единственно привычному. Причём перемен боятся и многие из тех, кто, казалось бы, может от них только выиграть. Но риск и состязательность пугают. Государственная опека, дававшая гарантии прожиточного минимума, возможность прожить пусть кое-как, но зато без особого напряжения в труде, а в ряде случаев — лишь имитируя полезную деятельность, по-прежнему для них привлекательна.

В целом здесь, видимо, срабатывает стереотип, о котором писал ещё Карамзин: «Зло, к которому мы привыкли, для нас чувствительно менее нового добра, а новому добру как-то и не верится»¹. На таком причудливом фундаменте, сложенном из неудовлетворённости своей жизнью и боязни эту плохую, но привычную жизнь изменить, и зиждется комплекс неполноценности, проявляющийся в стремлении хоть как-то, пусть иллюзорно, преодолеть данное подсознательно ощущаемое противоречие, не меняя ничего по существу. Для этого есть два пути.

Первый — агрессивное наступательное самоутверждение, подлинная цель которого — скрыть внутреннюю неуверенность и раздвоенность. Его конкретные проявления — мифологическое приукрашивание своей жизни и достижений страны в советские и даже дальше — в царские времена, а то и прямое мифотворчество на сей счёт. Тот, кто остаётся рабом в душе своей, будет яростно сопротивляться попыткам вывести его из рабского состояния и будет мешать другим выбраться из него, отстаивая своего рода моральное право на собственное рабство. Реальный идеал людей с этим типом сознания передаёт старая «бесовская» формула Петра Верховенского: «Все рабы и в рабстве равны». Тоска по советским временам, глубоко антиличностные клише сознания типа «заберите вашу свободу и верните нашу дешёвую колбасу» — очевидные симптомы этого комплекса.

Сегодня российский национальный комплекс неполноценности нашёл мишень в Украине, граждане которой проявили героическое стремление вырваться из порочного круга «пост-советскости» и по многим параметрам преуспевают в этом, несмотря и на собственные вериги ментальности, и на сброшенный на них с циничным расчётом груз консервативного синдрома «братского» народа, и на тяжелейшую экономическую ситуацию. Причём проявляется он в самых мерзких и уродливых формах. И, разумеется, он оживил извечные образы «врагов» — Америку и вообще Запад.

Путь второй — муссирование славянофильской идеи уникальности духовного строя и предназначения русского народа, который, дескать, переделка на западный лад, погоня за материальными благами и политическими правами неизбежно разрушат — на первый взгляд отличается от первого варианта преобладанием мирного, романтически-патриархального настроения. Но при обстоятельствах, подобных нынешним, различия уходят на задний план, и он быстро обретает черты первого, агрессивно-хвастливого пути [Оболонский 2002: 388–414].

Причины устойчивости этого комплекса, пути и шансы его преодоления — тема отдельная и очень серьёзная. Думается, её прежде всего надо обсуждать в категориях *глубокой ценностной деформации и деградации* общественного сознания. Здесь же ограничусь одним моментом, которому, впрочем, некоторые учёные придают статус «главного парадокса эволюции»: нарастающий разрыв между «когортой» продвинутых, рефлексизирующих людей и всеми остальными.

¹ Записка о старой и новой России в её политических и гражданских отношениях.

По мнению Е. Балацкого, «система, т. е. некая целостность (общество) поступательно развивается и усложняется (умнеет), в то время как существенная часть её (индивидуумы) деградируют и упрощаются (глупеют)». Автор даже выдвигает звучную весьма алармистски гипотезу о «тенденции интеллектуальной деградации современного человека» [Балацкий 2013: 139]. Не вдаваясь в полемику вокруг этого, безусловно, её заслуживающего, взгляда, скажу лишь, что к нынешней ситуации пугающей эффективности примитивных геополитических агиток и страшилок, изготовление которых поставлено на поток нашим телевидением, он имеет прямое отношение.

Вообще причины поразившего массовое сознание россиян «крымнашизма» и его последующих проявлений с трудом поддаются рациональному объяснению с позиций *homo sapiens*. Думаю, их следует обсуждать в контексте таких психологических феноменов как «стокгольмский синдром», «виктимизация», демонстративный суперконформистский активизм, снижение чувства эмпатии по отношению к назначенным «врагам», романтизм вседозволенности (вспоминается фраза песни из классического мультфильма советских времён — «романтики с большой дороги»), «банальность зла» (по Х. Арендт). Но эта отдельная, и очень важная, тема заслуживает специального обсуждения.

«Особый путь» в никуда

Миф «особого пути» — извечная российская консервативная утопия. Он напрямую связан с геополитикой. За последнее десятилетие он занял непомерно большое место, как в массовом, так и в «просвещённом» сознании наших соотечественников. Одни — условно назовём их «патриотами» — его лелеют и пестуют. Другие — опять же условно «западники» — относятся к нему как к несчастью или, по меньшей мере, как к плохому климату, в котором им выпало жить. Но и те, и другие трактуют его как нечто фатальное, как нашу непреодолимую судьбу в духе греческих трагедий.

Просвещённые «патриоты» являются не только активными «пользователями» мифа «особости». Многие из них — его редакторы и даже конструкторы. Ведь «концепция суверенной демократии» имеет отнюдь не народное происхождение, а зародилась в конкретных мозгах и с вполне конкретными целями. То же относится и к идеологемам «ресурсного государства» и административного ресурса, рассматриваемым не как преступное отклонение от выстраданных цивилизацией стандартов, а как якобы неотъемлемый элемент российской специфики. Нормой объявлены и клиентельные отношения между держателями адмресурса и потребителями государственных услуг. Их ведь тоже ввёл в оборот и легитимировал как нашу якобы естественную и неизбытную специфику отнюдь не народ, а прикормленные «учёные приказчики», вся «идеология» которых состоит в том, чтобы удачно склеить ещё существующие, но отнюдь не доминирующие патриархальные стереотипы массового сознания, и исходящий «сверху» заказ.

Впрочем, с теми «профессионалами-особистами», которые впрямую кормятся от мифа «особости», всё более или менее понятно. Деятельность их представляет интерес не в научном, а совсем в иных аспектах, прежде всего — в плане социальной (а, может, и не только) ответственности таких интеллектуалов-мифологизаторов.

Гораздо больше требует осмысления другое — по меньшей мере двойной, на мой взгляд, негативный эффект мифа особости. Во-первых, он, как любая легитимация фатальности, оказывает на людей деморализующее, обезоруживающее воздействие, подавляя в них потенциал инициативности, желания добиваться перемен к лучшему. Во-вторых, он служит как бы лукавым самооправданием по модели «ничего нельзя сделать, всё предопределено», а на самом деле формой пассивной адаптации, способом «выживания» в якобы раз и навсегда заданных и непреодолимых условиях.

Сама по себе идеологема «особого пути» — вещь не оригинальная. В каком-то смысле каждая страна идёт по своему особому пути, что отнюдь не предполагает глубинных цивилизационных различий. Но, превращаясь в инструмент политиканской эксплуатации и манипуляции, она может привести к катастрофе. Известно, куда завёл Германию *Sonderweg*². Известны и другие его варианты. Например, в странах Латинской Америки одно время пользовались популярностью клише «аргентинская державность», «особая чилийская духовность», «перуанский народ-богоносец», «уругвайская всечеловечность». Разумеется, каждое в «своей» стране. Пожалуй, впору оговориться, что за возможные читательские аллюзии автор ответственности не несёт!

В основе концепции особой российской цивилизации, полагаю, лежат цели, далёкие от декларируемой «подлинной духовности», а весьма приземлённые практические интересы определённой группы лиц. Убедительно, по-моему, показал это Э. Паин в книге «Распутица». Противопоставив объективное научное знание мифологии культурной предопределённости, он приходит к выводу, что «концепция «особой цивилизации», обуславливающая и «особый путь», и «особую демократию» России — весьма распространённый в мировой практике способ оправдания незыблемости авторитарных режимов», что это есть ни что иное, как идеологически ангажированная геополитическая спекуляция в интересах определённых групп. Навязывание её имеет простую и прозаичную цель — исторически «освятить» сложившийся в 2000-е годы политический режим с его «вертикалями» и патернализмом [Паин 2009]. А уж плоды западной цивилизации не просто подходят, а всюю используются именно самыми громкими и скандальными антизападниками. Вспомним, где приобретают собственность, отдыхают, лечатся, учат детей члены нашей псевдоэлиты.

На мой взгляд, приписывание массовому сознанию россиян некой тотальной, непреодолимой подчинённости химере «особого пути» равносильно *тезису о нашей национальной неполноценности*. И даже самое критическое видение всех трагедий и несуразностей нашей истории и современности не даёт оснований для подобного заключения.

У России нет «цивилизационного запрета» на переход от авторитарного к правовому режиму, тем более, что в нашем обществе, наряду с подданническим менталитетом, с давних пор существовала и существует альтернативная, персоноцентристская контркультура, а «вся русская классическая литература... доказательство национальных российских корней концепции гражданского общества...ее защитница и нравственный гарант» [Там же: 201]. И наш действительно особый путь как раз состоит в задаче вырваться из порочного исторического круга, воспроизводящего всё те же архаичные модели взаимодействия народа и властей держащих. Они много раз доказали свою историческую бесперспективность. Из-за них Россия трагически проиграла XX век. Но сегодня они опять навязываются нам, теперь в оболочке якобы консерватизма, а на самом деле — ретроградства, имеющего мало общего с консерватизмом подлинным. В нынешний век они просто разрушительны, грозя стране и её гражданам сначала коллапсом, а затем и окончательной катастрофой.

До сих пор мы как социум были не слишком удачливы в выборе исторических путей. Как всё сложится на этот раз? Не берусь давать оценку вероятности реализации разных сценариев. Но важно в полной мере осознать собственную ответственность за судьбу страны. И история, и свежайший пример соседней (совсем недавно ещё братской) страны показывают, что в критические периоды не только позиция и желания так называемой политической и прочей «элиты», а воля и поведение обычных людей, рядовых граждан, в подлинном, а не в казенно шовинистском смысле поднявшихся с колен и обретших личностное сознание и достоинство, может стать решающим фактором, который определит дальнейшую траекторию развития. Если же мы по-прежнему будем упиваться нашей «уникальностью» или сокращать-

² Это понятие родилось в Германии в период зарождения национального романтизма, было очень популярно в первой половине XX века, но ныне полностью вышло из «моды» вместе с осознанием того, куда этот особый путь их завёл.

ся из-за неё (в данном случае модус несуществен), то перспективы наши печальны. Мы уже много раз упустили свой шанс и исчерпали лимит на ошибки.

К тому же я разделяю взгляд, что «история — это не судьба и что порочный круг может быть разорван» [Заостровцев 2014: 40], а многое зависит от исторических случайностей и субъективных факторов. Притом, как подчёркивают Асемоглу и Робинсон, возможно не только поступательное, но и попятное движение. Да нам и самим несложно вспомнить примеры торжества реакции как в европейской, так и в собственной истории. Конечно, такие отступления происходят не навечно. Но жизнь конкретных поколений или минимум её часть исковеркать очень даже могут. Будущее, даже ближайшее, всегда альтернативно. И тут многое зависит от нас самих. Ещё в XVII веке немецкий поэт Пауль Флеминг писал: «Подчас о времени мы рассуждаем с вами. Но время это — мы! Никто иной. Мы сами». А для века нашего это вдвойне истинно.

Завершить хочется большой цитатой из Карла Поппера, считавшего глубочайшей и ещё далеко не завершённой революцией в истории переход от общества закрытого, где индивид растворен в коллективности, взамен получая иллюзию защищенности, к обществу открытому, где он свободен и должен сам принимать личные решения. Такой переход неизбежно сопряжён со страхом свободы, с желанием и попытками вновь захлопнуть уже отворенную дверь. И, как показывает история, процесс действительно можно задержать. Но это приносит лишь новые беды, ибо вернуться в мнимый «утраченный рай» тоталитаризма невозможно. «Чем старательнее мы пытаемся вернуться к героическому веку племенного духа, тем вернее мы в действительности придём к инквизиции, секретной полиции и романтизированному гангстеризму... нам следует найти опору в ясном понимании того простого выбора, перед которым мы стоим. Мы можем вернуться в животное состояние. Однако если мы хотим остаться людьми, то перед нами только один путь — путь в открытое общество» [Поппер 1992: 248].

Балацкий Е.В. 2013. Закономерности и парадоксы социальной эволюции. — *Общественные науки и современность*. — № 2.

Заостровцев А.П. 2014. История по Асемоглу-Робинсону: институты, развитие и пределы авторитарного роста. — *Общественные науки и современность*. — № 3.

Оболонский А.В. 2002. *Человек и власть: перекрёстки российской истории*. — М.: ИКЦ «Академкнига».

Паин Э.А. 2009. *Распутица: полемические размышления о предопределённости пути России*. — М.: РОССПЭН.

Поппер К. 1992. *Открытое общество и его враги*. — М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива».